

Histoire générale des civilisations, m. I. L'Orient et la Grèce antique, P., 1953.

Первый том семитомной «Всеобщей истории цивилизации» посвящен странам древнего Востока, Греции и эллинистическим государствам. Это издание рассчитано на широкий круг читателей, поэтому, как отмечается в предисловии, в нем не затрагиваются дискуссионные вопросы, не приводятся различные точки зрения и отсутствует научный аппарат (стр. XI).

Рецензируемый том состоит из предисловия, вступления (где буквально на нескольких страницах дается очень беглая характеристика первобытной культуры) и трех основных частей: «Цивилизации империй Ближнего Востока», «Цивилизация человека на Ближнем Востоке» (имеется в виду, в основном, классический и эллинистический периоды), «Цивилизация Восточной Азии», включающая в себя Индию и Китай. Все эти части разбиты на книги, посвященные отдельным странам, а книги, в свою очередь, — на главы, дающие описание различных сторон жизни общества (наиболее часто встречающиеся названия глав: «Политические формы», «Социальные и экономические формы», «Аспекты религиозной жизни» и т. д.). Рецензируемый том дает только общую характеристику тех особенностей, которые, по мнению его авторов, являются наиболее характерными для цивилизации той или иной страны. Это издание интересно тем, что в нем четко выражено одно из направлений современной исторической науки за рубежом. В предисловии ко всему изданию, помещенном в начале первого тома, авторы раскрывают то содержание, которое они вкладывают в название книги «Всеобщая история цивилизаций». В предисловии указывается, что в XIX в. понимали цивилизацию как цивилизацию европейскую — «XIX век принимал собственную цивилизацию за цивилизацию вообще» (стр. VII). Выступая против этого взгляда, который они называют европоцентризмом, авторы подчеркивают, что они пишут, в свою очередь, историю цивилизаций без установления их «иерархии», без сравнения достижений той или иной культуры с каким-либо «типом идеальной цивилизации» (стр. IX). Авторы следующим образом формулируют свой принцип подхода к истории: «Каждый народ мудр в своей собственной цивилизации» (стр. VIII). Далее авторы разъясняют, что именно понимается ими под цивилизацией: «каждая цивилизация определяется совокупностью идей и политических институтов, условий материальной жизни и техники, производительных сил и социальных отношений, всех проявлений религиозной, интеллектуальной деятельности и деятельности в области искусства» (стр. IX). Таким образом, под цивилизацией авторы понимают совокупность различных форм жизни общества — социально-экономических, политических, идеологических, причем все эти стороны, по мнению авторов, имеют равное значение для общественного развития. «Всеобщая история цивилизаций» и ставит своей целью описание этих различных аспектов, «которые составляют единое целое» внутри каждой цивилизации, и тех точек соприкосновения, которые существовали между разными цивилизациями.

Отказываясь признать преимущество одной цивилизации перед другой, авторы то же время отказываются от выявления каких бы то ни было общих закономерностей

исторического развития. В предисловии подчеркивается, что авторы будут избегать философии истории (это выражение они берут в кавычки), которая, по их мнению, неизбежно должна быть субъективной. Авторы отрицают не только поступательное движение мировой истории, но они отказываются от понятий «прогресс» и «упадок» даже в отношении отдельных стран, считая эти понятия условными (стр. VIII—IX). Авторы, таким образом, отказываются рассматривать все те формы, о которых говорилось выше, в развитии и соблюдают этот принцип более или менее последовательно в отношении всех стран, описываемых в рецензируемом томе. Такая концепция авторов неизбежно приводит к тому, что «Всеобщая история цивилизаций», во всяком случае ее первый том, не содержит истории в подлинном смысле слова. Отрицая историческое развитие, авторы не находят нужным строить изложение отдельных глав в какой-либо хронологической последовательности. Поскольку авторы считают, что наиболее характерные особенности данной цивилизации являются неизменными, для них нет существенной разницы, например, между экономикой Древнего и Нового царств в Египте или между политическими институтами времени Солона и времени Перикла в Греции.

В соответствующих главах, посвященных Египту и Греции, мы не находим характеристик вышеупомянутых различий. Авторы в соответствии с пониманием цивилизации, изложенном ими в предисловии, описывают различные стороны жизни той или иной страны, выделяя те особенности, которые кажутся им наиболее общими и характерными. Разумеется, при отсутствии последовательного изложения фактического материала, при выборочном освещении фактов авторы неизбежно приходят к тому самому субъективизму, против которого выступают в предисловии.

Воистину естественно, что, поскольку религиозные представления наиболее консервативны, развиваются наиболее медленно, то именно эти представления легче всего характеризовать вообще, вне хронологических рамок и фактических событий. Это является одной из причин того, что наиболее полно в рецензируемом томе разобраны религиозные представления. Религия как фактор, влияющий на жизнь общества, рассматривается авторами в одном ряду с географическими, экономическими и социальными условиями. Так, пытаясь объяснить сходство между цивилизациями Египта и Месопотамии во вступительной характеристике цивилизаций древнего Востока, автор этого раздела пишет, что в Египте и Месопотамии действовали одни и те же факторы, а именно: «сходные естественные условия, которые осваивались благодаря коллективной организации в тесном содружестве с религией» (стр. 12).

Книга I — «Египетская цивилизация» начинается с общей характеристики ее, и прежде всего с вопроса о «неизменности идеала египетской цивилизации», под которым понимается идеал религиозный (стр. 15). Выражением этого религиозного идеала египтян является, по мнению авторов, их вера в божественность царя. Авторы подчеркивают, что египтяне верили в то, что фараон действительно был богом (стр. 32). В главе «Экономические и социальные формы» характеристика различных сторон общественного устройства дается без всякой системы, во всяком случае эта система остается неясной для читателей. В основе экономической и социальной жизни Египта, по утверждению авторов, лежало стремление к дисциплине, «идеал дисциплины» (стр. 40). В этой главе мельком констатируется существование рабов, затем более подробно характеризуются семейные отношения, — и под специальными рубриками дается описание «социальных типов»: феллах, рабочий, солдат, офицер, жрец, писец (перечисляются здесь в той последовательности, в какой это сделано в книге). Наибольшее место в разделе, посвященном Египту, занимает глава об египетской религии, причем авторы подчеркивают устойчивость египетских религиозных представлений («древняя египетская религия умерла только с победой христианства» — стр. 12).

Раздел о цивилизации Месопотамии построен по аналогичному принципу. В первой главе раздела — «Политические формы» последние рассматриваются безотносительно к конкретным особенностям того или иного государства Междуречья (в начале главы только упомянуто существование городов Шумера, а затем, поскольку в этой части речь идет о цивилизациях «империй», все внимание сосредоточивается на политических

формах этих «империй»). Причины возникновения царской власти в Месопотамии (именно в Месопотамии вообще) связываются с воинственностью древних обитателей Междуречья: война требовала единства командования, и военачальник неизбежно становился политическим главой (стр. 118). Воинственность, по мнению авторов, такая же имманентная особенность цивилизации Месопотамии, как религиозность и стремление к дисциплине у египтян. При таком подходе к истории Месопотамии вполне понятно, что конкретные примеры берутся в основном из истории Ассирии. Организация ассирийской армии описывается в этой главе под специальной рубрикой.

Особенности экономики Месопотамии характеризуются главным образом по кодексу Хаммурапи, причем и здесь это делается вне временных и географических рамок. В разделе, посвященном Месопотамии, так же как и в предыдущем, большое место уделено религиозным представлениям.

На нескольких страницах дано в томе описание хеттского и лидийского государств (хеттам уделено всего пять страниц) и несколько более подробно — Ахеменидской Персии. Если в отношении Египта и Месопотамии авторы пытаются конкретно сформулировать «отличительные» особенности цивилизации этих стран (религиозность, воинственность), то по отношению к цивилизации персов вводится специальное понятие — «иранизм» (стр. 193—194), которое характеризуется как особое свойство, присущие арийским племенам, населявшим Иран. Проявлением этого «иранизма» и являются, по мнению авторов, различные особенности жизни Ахеменидской Персии. Например, проявлением своеобразного «иранизма» считается существование сатрапов, которые ведут жизнь, подобную жизни царя во дворце, имея собственную гвардию, двор, «друзей» (стр. 197). Характеристикой Ахеменидской Персии заканчивается отдел, посвященный древнему Востоку.

В начале следующей части «Цивилизация человека на Ближнем Востоке» формулируется основная разница, которая существовала между восточной цивилизацией и античной: восточная цивилизация не служит интересам отдельного человека, там «государство персонифицировалось в особе царя», античная же цивилизация ставила своей целью освобождение человеческой личности (стр. 209). Исходя из этого принципа, те страны древнего Востока, которые не подходят под данную классификацию, авторы отнесли во вторую часть, первая книга которой называется «Прелюдия к цивилизации человека». В этой книге, кроме характеристики эгейской культуры, помещена глава, посвященная Ханаану и Сирии. Рассмотрение финикийской, арамейской и израильской культур как предшествующих античной само по себе заслуживает интереса. Авторы подчеркивают, что культура этих стран сыграла большую роль в последующем развитии античной цивилизации (стр. 232). Но связь между ними они видят в основном в развитии индивидуализма (см., например, специальную рубрику — «Религиозный и моральный индивидуализм» в параграфе об Израиле — стр. 253 сл.).

Вершиной развития человеческой личности является, по мнению авторов, греческая культура. В главах, посвященных Греции, нет последовательного изложения исторических событий. Достаточно сказать, что законы Дракона, Солона и Клисфена охарактеризованы в трех фразах, а имя Писистрата только упомянуто (стр. 269). Из крупных событий греческой истории специально отмечены только греко-персидские войны, которые являлись, по мнению авторов, столкновением двух миров, окончившимся победой греческой цивилизации. Эта победа была обусловлена тем, что в основе греческой цивилизации лежал «союз полиса и человеческой личности, основанный на взаимной помощи и поддержке, при параллельном развитии полисной организации и человеческой личности» (стр. 290). В ряде случаев авторы рассматривают экономические причины тех или иных политических событий, но формулировка этих причин дается совершенно субъективно. Например, говоря о перевороте, вызвавшем образование полисов, авторы на первое место ставят изменение военной техники, выделяя это изменение в специальную рубрику (стр. 261).

В разделе о Греции, так же как и в других разделах, характеристика дается вне географических и хронологических рамок (исключение составляет рубрика «Жизнь в Спарте», в которой на полутора страницах описывается быт и обычаи спартанцев —

стр. 377—378); нет даже характеристики афинского полиса. О различных сторонах жизни Афин упоминается в трех параграфах главы «Материальная и социальная жизнь»: в параграфе «Обмен» говорится об афинской торговле, в параграфе «Городское общество» — о лаврийских рудниках, городских рабах, метеках, деятельности граждан (эти вопросы даются здесь в той последовательности, в какой они затрагиваются в рецензируемом томе), и, наконец, параграф «Города и частная жизнь» начинается с описания города Афин и Пирея. Разумеется, в отдельных рубриках этой главы встречаются полезные сведения, в особенности в отношении быта греческого общества, но все это настолько не систематизировано, что вряд ли широкий читатель, на которого издание рассчитано, сможет получить четкое представление об особенностях жизни древних греков, не говоря уж об их политической, социальной и экономической истории.

Для подхода авторов к оценке тех или иных исторических явлений характерно рассуждение об афинской демократии. Автор этого раздела отмечает ограниченность афинской демократии, которая с современной точки зрения может показаться олигархией, поскольку рабы правами не пользовались. Однако, добавляет автор дальше, для того времени это было естественно, так как «по своему существу гражданин должен был наслаждаться личной свободой; как можно вообразить раба, ставшего равным в политическом отношении тому, кто будет оставаться его господином, и как избежать этой противоестественности без ниспровержения всей социальной организации?» (стр. 319). Ответа на свой вопрос автор не дает. Ниспровержение всей социальной организации кажется ему, по всей вероятности, столь же невозможным, как и афинскому гражданину, от лица которого он рассуждает.

Большое внимание уделено в этом разделе античной культуре. Уже в начале раздела, в главе об архаической Греции последний параграф называется «Моральная эволюция», причем в нем специально подчеркивается «превосходство греческого духа над восточным» (стр. 279 — в данном случае авторы отступили от своего принципа не устанавливать иерархию для цивилизаций различных народов). Очень подробно характеризуется греческая религия (стр. 342—351) и искусство, меньше места отведено науке, философии и литературе. Философия, наука, история (история рассматривается под отдельной рубрикой, поскольку, по мнению авторов, она не являлась наукой в полном смысле слова и только греки V века начали делать ее таковой — стр. 371), поэзия, театр, риторика рассматриваются в одном параграфе «Интеллектуальная жизнь». Заканчивая раздел, посвященный Греции, авторы отмечают, что «битва при Херонее, которая отдала Афины и Грецию Македонии, и поражение восстания, вспыхнувшего после смерти Александра, безвозвратно оканчивают собой период в истории цивилизации. Прошедшее между этими двумя событиями завоевание Востока открывает другой период» (стр. 383). Авторы не пытаются объяснить причины завоевания Греции Македонией и только ставят перед собой вопрос: если бы Афины вышли победителем, могли бы они попрежнему обогащать культурное достояние человечества? Вместо ответа отмечается только, что IV век был для Афин менее плодотворным, чем V век.

Эллинистическим государствам посвящена книга III второй части под названием «Эллинистические монархии и человек». Период эллинизма для авторов рецензируемого тома прежде всего характеризуется тесным союзом между Грецией и Востоком, причем этот союз заключается в том, что под покровительством монархии происходил расцвет человеческой личности (стр. 395). Развивая дальше мысль об этом союзе, о взаимодействии греческих и восточных элементов, авторы отмечают, что Восток дал идею «легитимизма», которая послужила прочным основанием для абсолютизма эллинистических монархий. Благодаря же «греческому гению» перед эллинистическими монархиями раскрылись необъятные интеллектуальные и технические возможности (стр. 419). «В области экономики важнейшим новшеством было освоение огромной территории, открытой для предпринимательства греков, и установление впервые в истории необычайно тесного контакта между хозяйствами и обществами, глубоко различными» (стр. 420).

Главы, посвященные отдельным сторонам жизни эллинистических государств, по-

строены по тому же принципу, что и предыдущие. Раздел этот — один из немногих, где в какой-то степени соблюдается географический принцип. Отдельно дается описание Египта, отдельно — государства Селевкидов.

Последняя часть, в которой рассматривается Индия и Китай, занимает меньше 1/6 всего тома, что составляет сто страниц, меньше, чем главы, посвященные одной Греции. Характеристика «цивилизации» этих стран дана настолько бесло, настолько неисторично, что она вряд ли может оставить более или менее отчетливое впечатление у читателей.

В заключении тома, подводя общие итоги, авторы отмечают, что все завоевания, передвижения, влияния не помешали сложиться трем особым мирам: Ближнему Востоку, Индии и Китаю. Разнородность этих трех миров, выработанная на протяжении многих веков, и определила основное направление истории цивилизаций (стр. 637). Таким образом, в заключении авторы повторяют ту же мысль, что и в предисловии: история является историей разнородных цивилизаций, которые развиваются по внутренне присущим им законам.

Рецензируемый том снабжен синхронистической таблицей. Эта таблица интересна тем, что содержание ее совершенно очевидно расходится с намерениями авторов рассматривать историю всех цивилизаций как равных. В этой таблице за период с 479 по 413 г. до н. э. в графах «Египет», «Месопотамия», «Ханаан», «Сирия», «Аватолия» не помещено ни одного события, а для начала IV в. (до 336 г.) в графе «Элам и Иран» отмечено только... пребывание грека Ктесия при дворе персидского царя. В графе «Месопотамия» для этого периода отмечен поход десяти тысяч греков и окончательное установление вавилонского календаря. Для периода же после походов Александра Македонского синхронистическая таблица снова густо покрывается датами. Белые пятна этой таблицы являются не только белыми пятнами рецензируемого издания. В какой-то мере они отражают состояние современной исторической науки за рубежом, которая мало занимается историей стран Востока периода с VII по IV в. до нашей эры.

Рецензируемый том снабжен великолепно выполненными иллюстрациями (нужно вообще сказать, что с полиграфической точки зрения том издан прекрасно), но подбор их в значительной степени случаен. Неясно, — исходя из каких соображений, авторы не дали репродукций крупнейших памятников искусства (например, нет ни одной репродукции с греческой классической скульптуры). Поскольку книга ставит своей целью показать наиболее характерные особенности той или иной цивилизации, то и иллюстрации должны были отражать наиболее характерные моменты в развитии искусства.

Подводя итоги настоящей рецензии, можно сказать, что рецензируемый том вряд ли сможет ознакомить широкого читателя с действительной историей древнего мира. Подбор того небольшого фактического материала, который имеется в томе, сделан в высшей степени субъективно. Отказавшись от взгляда на европейскую культуру как вершину развития мировой культуры, авторы впали в другую крайность — они отрицают какую бы то ни было закономерность и поступательность развития мировой истории в целом. Этот подход к истории, как мы пытались показать выше, влечет за собой пренебрежение к историческим фактам и ведет к уничтожению истории как науки.